

НАШ ПИСАТЕЛЬ

Вся Советская страна отмечает 30-летие со дня смерти гениального русского классика Льва Николаевича Толстого. Мы, читатели Толстого, любим этого великого мастера художественного слова за правдивость его всегда глубоко реалистических произведений.

Книги Толстого глубоко патристичны, они учат любить наше отечество. Они помогают нам еще глубже познавать героическую историю нашей могучей родины, славное прошлое русского народа.

С величайшей любовью Толстой изображает подлинных героев Отечественной войны, рядовых солдат и их боевых славных командиров.

Гениальный художник слова Толстой был настоящим тружеником. Как искусный сталевар, сплавлял он свои произведения в монументальный драгоценный слиток. Как замечательный мастер филигранной отделки, он оттачивал каждую строку, каждую деталь своей книги.

Много раз переписанная «Война и мир», много раз вновь отделяемые «Воскресение» и «Анна Каренина» являются образцами титанического труда, какой только знает история человеческой культуры.

Мы любим Толстого. Его книги не залеживаются на полках нашей заводской библиотеки. Он с нами — в часы нашего досуга — рядом с Шекспиром и Пушкиным, Гете и Горьким. Книги Толстого вместе с книгами величайших мастеров культуры находятся на боевом вооружении людей страны социализма.

Ленин пишет о Толстом: «...в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат». Художественное наследство гениального Толстого принадлежит народу.

Члены литобъединения при газете «Мартеновка» московского ордена Ленина металлургического завода «Серп и молот»: М. КОЖЕМЯКИН, слесарь мартеновского цеха, И. ШЕСТАКОВ, рабочий железнодорожного цеха, К. ЧИРКОВ, сталевар, Т. НОВИКОВ, студент рабфака «Серп и молот», Л. ПОДВОЙСКИЙ, инженер центральной исследовательской лаборатории.

20 ноября — большая дата в жизни нашей школы. Каждый год мы ее отмечаем. Мы собираемся в просторном и светлом зале, слушаем проникновенные слова о Толстом — великом художнике, гениальном нашем земляке. Какой замечательный художник слова жил в нашей Ясной Поляне, в этом белом двухэтажном доме, таком простом и скромном. И теперь, когда мы посещаем музей, мы мысленно переносимся в этот художественно и правдиво показанный мир образов, природы, событий и вещей, и они снова ярко и выпукло встают перед нами. Эту широкую дорогу, ведущую к дому Толстого, приказал забросать снегом своенравный старик Болконский, на эту деревянную лестницу быстро-быстро вбежала Наташа Ростова, неподалеку, в «заказе», охотились Левин. И вереница толстовских образов проходит чередой в нашей памяти.

Толстой учит нас сильно любить жизнь со всеми ее радостями и ненавидеть тех, кто уродует ее грязными делами и лицемерными и лживыми словами.

И мы теперь знаем уже, почему Ленин называл Толстого «матерым человечеством».

ИВАН ОРЕХОВ, АНТОНИНА ФОКАНОВА, АННА ЗЯБРЕВА, учащиеся Яснополянской средней школы имени Л. Толстого.

ЗАПИСИ ШКОЛЬНИКОВ

Яснополянские школьники — частые гости старейших жителей этой деревни. Они записывают рассказы стариков о Льве Николаевиче Толстом. Приводим здесь некоторые из них.

ЛЕС РАСТЕТ ДЛЯ ВСЕХ

Лев Николаевич часто приходил к нам в деревню. Если есть старик в доме, который ничего не делает, то он обязательно посоветует, чтобы тот хотя бы лапти плел. Если мужик оправдывается — негде найти лыка, то

Лев Николаевич, обычно говорил: — Лес только числится мой, а растет для всех.

У АНИСЬИ КОПЫЛОВОЙ

Был страшный пожар в Ясной Поляне в 1890 году. В этом пожаре постигло несчастье бедную вдову Анисью Копылову. Избенка ее сгорела. После пожара Лев Николаевич вместе с художником Николаем Николаевичем Ге начали строить избу-мазанку для Анисьи. Лев Николаевич возил глину из-под бурга в тачке,

а Николай Николаевич, заучив шпаны, топтал глину. Славную избу смазали они в две недели. Печку тоже клали сами. Во время постройки Ге спросил у Толстого шута:

— Кто же нам заплатит за эту грязную работу?

Толстой ответил:

— Никто не заплатит нам за работу. Анисья бедная, дети ее еще мелкие.

До совершенных годов дети Анисьи Лев Николаевич самодельно обрабатывал ее поля.

(Записано со слов жителя Ясной Поляны П. КОЗЛОВА).

В его доме

Экскурсовод устало прислонился к желтоватым перилам лестницы.

Только что ушли последние посетители — старик-шахтер из Яснополянского дома отдыха, два командира-артиллериста, стесняющиеся звона своих шпор и старающиеся ступать особенно осторожно и мягко, пожилой врач, бывавший здесь в молодости и вот тридцать пять лет спустя повторивший знакомый путь.

В большом доме зажгли лампы. Мягкий тусклый свет окончательно стер холодные строки музейных этикеток. И дом Толстого, его жилище снова обрело свое живое тепло. Длинный узкий стол накрыт, будто в ожидании гостей. Стоит только скинуть чехлы с роялей, и вместе со звуками музыки войдут сюда тихие шумы толстовских вечеров.

Зашелестят страницы перелистываемой книги. Лев Николаевич по вечерам любил читать в кругу семьи и друзей. Дикенс, Чехов... Или застучат на низеньком столике у кушетки шахматные фигуры, передвигаемые энергичной, сильной рукой.

Здесь, в просторной столовой, где сидел еще Тургенев, бывали у Толстого Короленко, Чехов, Горький. Горел огонек спора допоздна.

Однажды Лев Николаевич всю ночь проговорил с захватившим к нему в Ясную Гаршиным.

В эти освещенные вечерним светом часы старый дом кажется недавно покинутым хозяином. Никого нет в столовой. В кабинете над письменным столом горит свет. Ручка будто только что отложена. Лежит раскрытая книга на 144-й недочитанной странице. Достоевский — «Братья Карамазовы»... В ремингтонной жалты, как всегда, жесткой авторской правки последней главы из Москвы.

И когда внизу, у лестницы, раздаются неожиданно звонкие молодые голоса, думаешь: сейчас сам хозяин выйдет навстречу своими легкими быстрыми шагами.

Сколько побывало здесь в последние годы его жизни друзья, почитатели, враги, просто любопытных! Король зубного порошка Одолев просил разрешения для рекламы: «Толстой пользуется только зубным порошком «Одолев». Конфетный фабрикант добивался права на выпуск немо монпансье, нето печенье «Анна Каренина», наделал священник — тайный агент сиода. Точно в самом деле тысячи любопытных линдшут, взбирающихся на тело связанного Гулливера.

Но этим сегодня зашедшим молодым гостям как был рад Лев Николаевич!

Они собрались внизу, под рогом дуба, — охотничьи трофеи молодого Толстого, — юные, оживленные, раскрасневшиеся от быстрой ходьбы — его земляки, школьники, потомки яснополянских крестьян. Это их предки умирали в «Казаках» и «Войне и мире», грелись у костра с Пьером Безуховым и сражались в отряде Денисова. В доме Толстого сохранилась старая фотография яснополянских ребятишек, закутанных в армяки, обутых в лапоточки. Это ученики школы, в которой учительствовал сам Лев Николаевич. Один из них, крайний, — Тараска Фофанов. А вот и внучка Тараса Фофанова — Тоня. Она пришла сегодня в старый дом вместе с Ваней Ореховым, внуком того Орехова, которого знал сам Толстой. С ними пришли Миша Чабан, сын конюха и будущий артиллерист, Надюша Юнашевич, дочь яснополянской горничной Варвары Деевой, и многие другие молодые яснополяне.

Помнится, в страшном поту проснулся Алексей Вронский, которому приснился мужик, вдруг заговоривший по-французски. Только во сне могло померещиться такое. А правнучка этого мужика, дочь яснополянской крестьянки Нюры Фроловой уже скоро станет преподавательницей французского языка: она учится в институте. Многие потомки яснополянских «мужиков» уже давно работают агрономами, учителями, врачами или учатся в вузах, строят дикивинные машины на заводах. Последний

отпрыск крестьянской семьи — Чурисов из «Утра помещика» обнаружился совсем недавно в местном яснополянском детском саду.

Особенно близок яснополянским ребятам мир толстовских образов. Как величественные иллюстрации к книгам Толстого лежат перед ними родные места. Они шли сюда сегодня знаменитым «прешпектом», изображенным в «Войне и мире», и совсем недавно собирали грибы в Чашке, у дубков, описанных в «Анне Карениной». В старом яснополянском доме они совсем свои. Им все здесь знакомо. Вот широкая пологая лестница. По ней подымался, возвращаясь с охоты, усталый и счастливый молодой Толстой. Здесь, в передней, вытирали зайцев, раскладывая их прямо на полу. Проходил в столовую, играл на рояле, читал книгу за круглым столом в углу. Книжки! Сколько их здесь! Трудолюбивая Софья Андреевна собственной рукой занесла в каталог 22 тысячи, собранных со всего мира и напечатанных на тридцати языках! Лев Николаевич свободно говорил на восьми языках. В возрасте семидесяти лет изучил голландский. В течение двух часов научился читать на эсперанто. Какой это был могучий, неутомимый человек!

С утра обычно Лев Николаевич уходил на прогулку. А потом работал за простеньким письменным столом.

Настежь открыты двери последнего кабинета Толстого. Стол, на котором писалась «Хаджи Мурат» и «После бала». Низенькое кресло. Лев Николаевич любил сидеть прямо, не сгибаясь. На столе под стеклом — заметки к повести, рассказанной Толстому Юни, впоследствии ставшей «Воскресением».

Здесь, в кабинете, все — как было при нем. Только книги не лежат вокруг, кивками на полу, а чинно уложены по полкам и этажеркам. Короленко, Реклю, том энциклопедического словаря Брокгауза, — в нем ставил «Маркс» с местами, подчеркнутыми карандашом.

Затихшие, присмирившие ребята проходят в спальню Льва Николаевича. Теплая стариковская блуза перекинута через спинку стула. Троость, будто забытая, стоит в углу. Лекарства на столике у кровати.

Молодые гости Толстого идут последним его путем — вниз, через анфиладу тихих комнат... Снова столовая, лестница, комната под сводами, где писалась от первой до последней страницы величая эпопея «Война и мир». Здесь, внизу, в комнатке для приезжающих, лежат старые пожелтевшие газеты. Вот номер «Нового времени» с траурным извещением о смерти Толстого, и рядом объявление о знаном обеде каких-то правителей, созыаемом в день толстовских похорон.

В Ясную Поляну на похороны Льва Толстого, смерть которого взволновала весь мир, едет негласный представитель царского правительства, агент охраны под кличкой «Блондинка».

Открывается и вновь закрывается дверь, которая тридцать лет назад навсегда затворилась за Львом Толстым. Ребята выходят на дорогу в непогодь, в туман и осень, совсем такую, как в те дни. Пустынно на скамье под знаменитым «деревом бедных». Траурной лентой разостлалась тропинка от дома к оврагу, и только к концу, в аллее у Старого Заказа, опавшие листья делают ее золотой.

Здесь, где, по преданию, зарыта зеленая палочка с тайной человеческого счастья, высится могила, украшенная ветвями елок. Никакой надписи нет на ней. Лишь деревья окружают ее, склоняясь своими кронами, будто беседуя.

Советские юноши и девушки, владеющие счастливой тайной «зеленой палочки», тесным кольцом стоят у этой могилы — молодые друзья, земляки Толстого, читатели и наследники его.

ЕВГ. МАР.

(Воспоминания современника)

В 1899 году Л. Н. Толстой долгое время жил в Москве. Спешная работа над подготовкой к печати романа «Воскресение» заставляла его примириться с шумной городской жизнью, которая всегда вносила разлад и тревогу в прочно установленный им бытовой распорядок.

Уточняя материалы, касающиеся специальных вопросов, Толстой с настойчивой пытливостью посещал суды, тюрьмы, беседовал с юристами, врачами и политическими деятелями. Известный в то время терапевт П. С. Усов, лечивший Толстого и связанный с ним личными отношениями, говорил:

— Не знаю, что делать с Львом Николаевичем. Жалуются на болезнь, а приходят к нему — начинают говорить о чем угодно, но только не о лечении. Мало того, когда я тоже был болен, Толстой пришел ко мне сам и просидел до полночи, заставив меня проштудировать акт судебно-медицинского вскрытия из своего нового романа. Не пощадил ни себя, ни меня.

В предвечерние часы москвичи могли часто встретить Толстого в одной из живописнейших окрестностей Москвы, на Девичьем Поле. Там, гуляя по малолюдным аллеям, он находил отдых после упорной, удивительной для его семидесятилетнего возраста работы и восполнял до некоторой степени потери, вызванные оторванностью от яснополянских просторов и вековых лесов.

В нем все казалось своеобразным и не сразу уловимым. Простое, грубоватое лицо с бороздой деревенского дедушки, с мягко очерченным ртом, но глаза от лукавого — зоркие, с острым, пронизывающим взглядом. Старость с беспощадной суровостью наложила серые краски на его морщинистую кожу, сгорбила и сузила в плечах фигуру, но когда он был в движении, то казалось, что идет сильный человек: так легки и быстры были его шаги. Низко надвинутая баранья шапка, дубленый полушубок и грубо сшитые сапоги придавали ему крестьянский вид, и в то же время чувствовалась какая-то изысканность в умении носить одежду. Он был прост в обращении, но это не являлось простодушием обывателя, панибратски беседующего с первым встречным. Каждое слово, сказанное вдумчиво и к месту, каждый жест, сдержанный и рассчитанный, говорили о большом навыке, выработанном долгим опытом и тесным общением с людьми самых разнообразных классов и положений.

Однажды Толстой зашел с прогулки к своему близкому знакомому Л. П. Никифорову, выведенному в романе «Воскресение» в лице политического осужденного Петерсона. Никифоров жил в небольшой комнате, скромно обставленной: несколько стульев и письменный стол. Тут он работал, занимаясь главным образом переводом, и тут же готовил обед. Толстой, встретивший на своем пути столько слав и радости, с умилением оглядел комнату и сказал:

— Завидую вам. У вас нет того, что меня невыносимо тяготит: слуг и помещичьего дома. И есть все, чего не хватает мне: устраивать жизнь соответственно с требованиями своей совести... Хорошо, очень хорошо.

Он повторил эту фразу несколько раз, словно разговаривая с самим собой.

Никифоров знал, что это является самым большим местом Толстого, и осторожно старался отвлечь его от тяжелой мысли, заговорив с ним о своих переводах сочинений Джона Раскина.

— Раскина я люблю, — сказал Толстой после некоторого молчания. — Это писатель большой нравственной силы и умница. Но, подумайте, какое огромное большинство литераторов пишет никому не нужные и даже вредные книги только потому, что они сделали из этого писания профессию! Толстой начал говорить о физическом труде, считая его самым радостным и необходимым для осуществления истинного

счастья и настоящей свободы духа. Первое впечатление от его речи, явившейся изложением давно известного толстовского учения, было не совсем ясно. Кому он говорил? Странными казались навязчивое повторение одних и тех же фраз и то волнение, с которым он произносил их, как будто стараясь кому-то возразить, растолковать. Но вот он произнес заключительные слова: «А мы все это хорошо видим и знаем, и не двигаемся с места», и все стало понятно: это была не проповедь, не толкование, а голос собственной совести, измученной жизненными противоречиями и нерешительностью.

Разговор коснулся работы Толстого над романом «Воскресение», уже печатавшимся отдельными главами в журнале «Нива». Возвращение Толстого к художественному творчеству было предметом самых горячих толков. Роман с захватывающим интересом читала вся страна, поражаясь не тронутыми годами силой изображения людей с их мыслями, страстями и удивляясь тонкостью огромного ума, с беспощадностью и мужеством вскрывающего язвы современного буржуазного общества.

Никифоров сообщил Толстому, что роман вызвал среди молодежи переоценку моральных отношений, и один из студентов Петровской академии, сын помещика из аристократической семьи, женился на брошенной им ранее деревенской девушке.

Толстой оживился, прошелся по комнате и весело сказал:

— Ну, вот, видите... А мне говорят, что книга не может внезапно утвердить веру человека в высшую совесть. Теперь я знаю, что конец моего романа правильней.

Лицо его светлело детской улыбкой. — А знаете, — сказал он, — трудно писать. Ах, как трудно, словно ведешь корабль по руслу с подводными камнями! Для сверки всегда нужны реально существующие люди. А вот где их найдешь?

И, переходя в шутливый тон, добавил:

— Нет ли у вас сенатора и марксиста? Никифоров ответил, что сенаторов он дела не имеет, а марксиста может рекомендовать. И тут же показал на присутствующего при этой беседе своего сына, Льва Львовича, впоследствии высланного Третьим за революционную деятельность в Якутскую область.

Толстой приветливо наклонил голову и, обращаясь к Льву Львовичу, сказал:

— Вот нас тут три Льва, и думаю, что самый сильный Лев — это вы. Хочу поговорить с вами. Только, чур, не очень нападаете.

Лев Львович спросил Толстого, не находит ли он некоторого совпадения своих взглядов с научным предвидением Карла Маркса.

Толстой пристально посмотрел на молодого Никифорова, словно изучая противника. Внешне он был спокоен: сдержанное выражение лица, ни одного резкого жеста, но в глазах его пробежал огонек.

— Так и знал, — сказал Толстой. — Начинается с полуха. Вы хотите говорить о политической догме. Но христианская мораль не может быть партийным делом. Ваши идеалы прекрасны, но зачем насилье, зачем вы хотите революции?

Толстой образно показал пальцем на окно:

— Посмотрите, сколько народу идет по улице. Много? И все идет свободно — и туда и сюда. А вы требуете, чтобы все шло вашей дорогой.

Спор разгорался. Вдруг с улицы донесся глухой шум.

— А свободное движение-то остановилось, — сказал Лев Львович.

По улице конвойные с палками наголо вели партию арестантов с измученными, бескровными лицами. Прохожие на окрики конвойных шарахались в сторону. Толстой отшатнулся от окна.

— Какой ужас! — произнес он славным от волнения голосом и торопливо стал прощаться.

В. ТРОИЦКИЙ.

поднятый автором на уровень посетителя высшей правды за его смирение и кротость, за его религиозную веру в благость творца, обличает в авторе «Войны и ми-

ко обвинительный приговор золотой дворянской молодежи, — это еще в большей мере вызов, брошенный Толстым дворянско-буржуазному государству. Глубокая драма

воинственнейшей окрестности Москвы, на Девичьем Поле. Там, гуляя по малолетним аллеям, он находил отдых после упорной, удивительной для его семидесятилетнего возраста работы и восполнял до некоторой степени потери, вызванные оторванностью от яснополянских просторов и вековых лесов.

В нем все казалось своеобразным и не сразу уловимым. Простое, грубоватое лицо с бородой деревенского дедушки, с мягко очерченными ртом, но глаза от лукавого — зоркие, с острым, пронизывающим взглядом. Старость с беспощадной суровостью наложившая серые краски на его морщинистую кожу, сгорбился и сузила в плечах фигуру, но когда он был в движении, то казалось, что идет сильный человек: так легкие и быстры были его шаги. Низко надвинутая баранья шапка, дубленый полушубок и грубо сшитые сапоги придавали ему крестьянский вид, и в то же время чувствовалась какая-то изысканность в умении носить одежду. Он был прост в обращении, но это не являлось простодушием обывателя, панибратски беседующего с первым встречным. Каждое слово, сказанное вдумчиво и кстати, каждый жест, сдержанный и рассчитанный, говорили о большом навыке, выработанном долгим опытом и тесным общением с людьми самых разнообразных классов и положений.

Однажды Толстой зашел с прогулки к своему близкому знакомому Л. П. Никифорову, выведенному в романе «Воскресение» в лице политического осужденного Петерсона. Никифоров жил в небольшой комнате, скромно обставленной: несколько стульев и письменный стол. Тут он работал, занимаясь главным образом переводами, и тут же готовил обед. Толстой, встречавший на своем пути столько славы и роскоши, с удивлением оглядел комнату и сказал:

— Завидую вам. У вас нет того, что меня невыносимо тяготит: слуг и помещичьего дома. И есть все, чего не хватает мне: устраивать жизнь соответственно с требованиями своей совести... Хорошо, очень хорошо.

Он повторил эту фразу несколько раз, словно разговаривая с самим собой.

Никифоров знал, что это является самым большим местом Толстого, и осторожно старался отвлечь его от тяжелой мысли, заговорив с ним о своих переводах сочинений Джона Рескина.

— Рескина я люблю, — сказал Толстой после некоторого молчания. — Это писатель большой нравственной силы и умница. Но, подумайте, какое огромное большинство литераторов пишет никому не нужные и даже вредные книги только потому, что они сделали из этого писания профессию! Толстой начал говорить о физическом труде, считая его самым радостным и необходимым для осуществления истинного

буржуазного общества.

Никифоров сообщил Толстому, что роман вызвал среди молодежи переоценку моральных отношений, и один из студентов Петровской академии, сын помещика из аристократической семьи, женился на брошенной им ранее деревенской девушке.

Толстой оживился, прошелся по комнате и весело сказал:

— Ну, вот, видите... А мне говорят, что книга не может внезапно утвердить веру человека в высшую совесть. Теперь я знаю, что конец моего романа правильный.

Лицо его светилось детской улыбкой. — А знаете, — сказал он, — трудно писать. Ах, как трудно, словно ведешь корабль по руслу с подводными камнями! Для сверки всегда нужны реально существующие люди. А вот где их найдешь?

И, переходя в шуточный тон, добавил: — Нет ли у вас сенатора и марксиста?

Никифоров ответил, что с сенаторами он дела не имеет, а марксиста может рекомендовать. И тут же показал на присутствующего при этой беседе своего сына, Льва Львовича, впоследствии высланного Третьим за революционную деятельность в Якутскую область.

Толстой приветливо наклонил голову и, обращаясь к Льву Львовичу, сказал:

— Вот нас тут три Льва, и думаю, что самый сильный Лев — это вы. Хочу поговорить с вами. Только, чур, не очень нападаете.

Лев Львович спросил Толстого, не находит ли он некоторого совпадения своих взглядов с научным предвидением Карла Маркса.

Толстой пристально посмотрел на молодого Никифорова, словно изучая противника. Внешне он был сложен: сдержанное выражение лица, ни одного резкого жеста, но в глазах его пробежал огонек.

— Так и знал, — сказал Толстой. — Начинается с подвоха. Вы хотите говорить о политической догме. Но христианская мораль не может быть партийным делом. Ваши идеалы прекрасны, но зачем насилье, зачем вы хотите революции?

Толстой образно показал пальцем на окно:

— Посмотрите, сколько народу идет по улице. Много? И все идет свободно — и туда и сюда. А вы требуете, чтобы все шло вашей дорогой.

Спор разгорался. Вдруг с улицы донесся глухой шум.

— А свободное движение-то остановилось, — сказал Лев Львович.

По улице конвойные с палками наголо вели партию арестантов с измученными, бескровными лицами. Прохожие на окрики конвойных шаркались в сторону. Толстой отшатнулся от окна.

— Какой ужас! — произнес он сдвинутым от волнения голосом и торопливо стал прощаться.

В. ТРОЯНОВ.

приказано считать своим собственным стариком Болконский, на эту деревенскую лавочку быстро-быстро всегда Наташа Ростова, неподалеку, в «казе», охотился Левин. И вереница толстовских образов проходит неслучайно в нашей памяти.

Толстой учит нас сильно любить жизнь со всеми ее радостями и ненавидеть тех, кто уродует ее грязными делами и лицемерными и лживыми словами.

И мы теперь знаем уже, почему Ленин называл Толстого «матерым человечеством».

ИВАН ОРЕХОВ, АНТОНИНА ФОКАНОВА, АННА ЗАБРЕВА, учащиеся Яснополянской средней школы имени Л. Толстого.

ЗАПИСИ ШКОЛЬНИКОВ

Яснополянские школьники — частые гости старейших жителей этой деревни. Они записывают рассказы стариков о Льве Николаевиче Толстом. Приводим здесь некоторые из них.

ЛЕС РАСТЕТ ДЛЯ ВСЕХ

Лев Николаевич часто приходил к нам в деревню. Если есть старик в доме, который ничего не делает, то он обязательно посоветует, чтобы тот хотя бы лапти плел. Если мужик оправдывается — негде найти лыка, то

Лев Николаевич обычно говорил: — Лес только числится мой, а растет для всех.

У АНИСЬИ КОПЫЛОВОЙ

Был страшный пожар в Ясной Поляне в 1890 году. В этом пожаре постигло несчастье бедную вдову Анисью Копылову. Избенка ее сгорела. После пожара Лев Николаевич вместе с хуторником Николаем Николаевичем Ге начали строить избу-мазанку для Анисьи. Лев Николаевич возил глину из-под бура в тачке,

а Николай Николаевич, заучив штаны, топтал глину. Славную избу смазали они в две недели. Печку тоже клали сами. Во время постройки Ге спросил у Толстого шута:

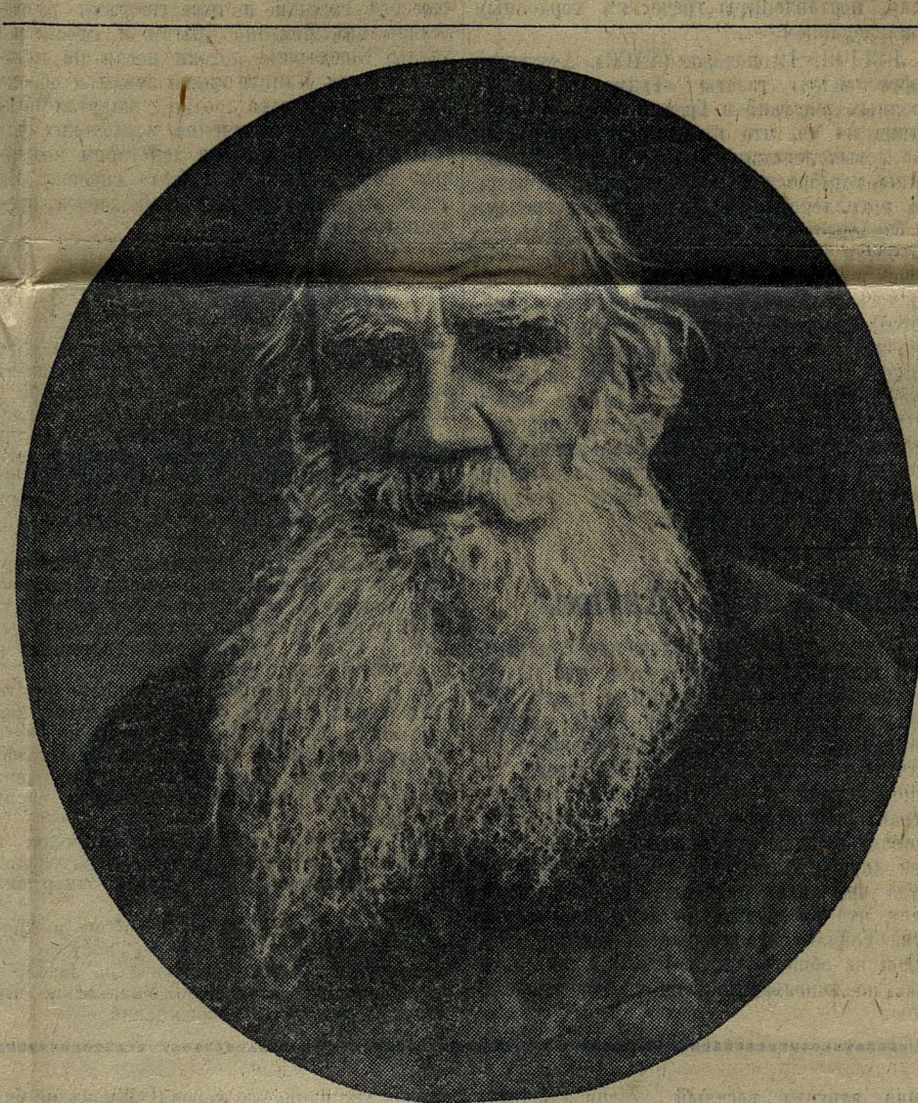
— Кто же нам заплатит за эту грязную работу?

Толстой ответил:

— Никто не заплатит нам за работу. Анисья бедная, дети ее еще мелкие.

До совершенных годов детей Анисьи Лев Николаевич самодельно обрабатывал ее поля.

(Записано со слов жителя Ясной Поляны П. КОЗЛОВА).

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

роны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; — с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов казенной должности попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины» (Ленин).

Идейно-творческая эволюция Толстого, развернувшаяся на протяжении 60 лет, и служит ярким показателем того, как при всей сложности и многогранности неутомимых исканий Толстого основным, ведущим для художника-философа вопросом жизни был вопрос о правде жизни, о таком устройстве мира, при котором «волчьи» законы, обрекающие миллионы трудовых масс на страдания, стали бы невозможными.

Уже на первом этапе своего творческого пути, выступая в качестве автора трилогии, Толстой неуважительно художественной исповеди молодого правдоискателя, Толстой раскрывает перед нами ту глубокую тревогу, какая порой охватывает и ум и сердце его, когда он сталкивается с такими противоречиями жизни, как богатство и нищета других. Тонкая и чуткая натура автора с тем большей остротой реагирует на эту неправду, что в жизни «малых сих» он замечает далеко незаурядные моменты. Николенька Иртеньев не может оторваться от молитвы иродивого странника Гриши, по-своему живущего глубокой внутренней жизнью и тем самым обнаруживающего превосходство перед людьми круга самого Николеньки. Не в меньшей мере того же Николеньку умиляет Наталья Саввишна, беззаветно отдающая свою жизнь другим людям.

Эта народная струя в трилогии с годами начинает расти и крепнуть, чтобы в дальнейшем развернуться в мощное утвержде-

ние художником народной правды. В ряде произведений, тематически связанных с военными операциями на Кавказе и в Севастополе, Толстой, решительно разрывая с традиционной батальной живописью, на фоне кровавых ужасов войны показывает русских крестьян, полных внутреннего героизма. Эти герои внешне так просты и скромны, что только зоркий глаз большого художника в состоянии подметить в них высокое качество.

Однако все это — только подступы к тем вершинам искусства, на которые Толстой поднимается на следующем этапе своей художественной эволюции, создавая поистине грандиознейшую народную эпопею «Война и мир». То, что в трилогии и «Утре помещика» прозвучало как голос проснувшейся совести барина-аристократа, а в «Казаках» и в «Севастопольских рассказах» как тяга к народу, здесь, в «Войне и мире», получило свое дальнейшее развитие и углубление.

Рисуя грандиозную борьбу России с Наполеоном, Толстой всем ходом событий, разветвляющихся в эпопею, с неотразимой силой убеждает нас в том, что подлинным и единственным героем этой войны является народная масса. В противовес тому, что мы находим в сатирически написанных картинах из жизни светских салонов Петербурга и Москвы, и тому, что дает Толстой в образах Раскольникова и прочих «героев» бюрократического знати, в изображении народа художник остается неизменно верным одному принципу: народ — та сила, которая победила и изгнала из пределов отечества наглого врага.

Как ни велика сила грандиозной эпопеи Толстого, всевластия народную мощь, однако и в ней сказалась слабая сторона толстовского мировоззрения, о которой говорил Ленин. Образ Платона Каратаева,

Короленко, Чехов, Горький. Горел огонек стора допоздна.

Однажды Лев Николаевич всю ночь проговорил с засхавшим к нему в Ясную Гаршиным.

В эти освещенные вечерним светом часы старый дом кажется недавно покинутым хозяином. Никого нет в столовой. В кабинете над письменным столом горит свет. Ручка будто только что отложена. Лежит раскрытая книга на 144-й недочитанной странице. Достоевский — «Братья Карамазовы»... В ремингтонной ждуть, как всегда, жестокой авторской правки последней главки из Москвы.

И когда внизу, у лестницы, раздаются неожиданно звонкие молодые голоса, думаешь: сейчас сам хозяин выйдет навстречу своими легкими быстрыми шагами.

Сколько побывало здесь в последние годы его жизни друзей, почитателей, врагов, просто любопытных! Король зубного порошка Одолев просил разрешения для рекламы: «Толстой пользуется только зубным порошком «Одолев». Конфетный фабрикант добивался права на выпуск некоего монпансье, некое печенье «Анна Каренина», надоедал священник — тайный агент сиода. Точно в самом деле тысячи любопытных лидируют, взирающих на тело связанного Гулливера.

Но этим сегодня зашедшим молодым гостям как был бы рад Лев Николаевич! Они собрались внизу, под рогом лоса, — охотничьи трофеи молодого Толстого, — юные, оживленные, раскрасневшиеся от быстрой ходьбы — его земляки, школьники, потомки яснополянских крестьян. Это их предки умирали в «Казаках» и «Войне и мире», грелись у костра с Пьером Безуховым и сражались в отряде Денисова. В доме Толстого сохранилась старая фотография яснополянских ребятишек, закутанных в армяки, обутых в лапоточки. Это ученики школы, в которой учительствовал сам Лев Николаевич. Один из них, крайний, — Тараска Фоканов. А вот и внучка Тараса Фоканова — Тоня. Она пришла сегодня в старый дом вместе с Ваней Ореховым, внуком того Орехова, которого звали сам Толстой. С ними пришли Миша Чабан, сын конюха и будущий артиллерист, Надюша Кошачев, дочь яснополянской горничной Варвары Деевой, и многие другие молодые яснополяны.

Помните, в страшном поту проснулся Алексей Вронский, которому приснился мужик, вдруг заговоривший по-французски. Только во сне могло померещиться такое. А внучка этого мужика, дочь яснополянской крестьянки Нюра Фролова уже скоро станет преподавательницей французского языка: она учится в институте. Многие потомки яснополянских «мужиков» уже давно работают агрономами, учителями, врачами или учатся в вузах, строят дикивинные машины на заводах. Последний

поднятый автором на уровень носителя высшей правды за его смирение и кротость, за его религиозную веру в благость творца, обличает в авторе «Войны и мира» философа, по своим глубочайшим верованиям стоящего на точке зрения патриархального крестьянина.

На следующих этапах своего творческого пути Толстой выступает, еще резче обличая внутреннее противоречие. Критика государства и общества растет с изумительной силой, обличение капиталистического мира достигает своего предела, и рядом с этим проповедь самого отвратительного зла — поповщины, со всеми вытекающими последствиями.

Роман «Анна Каренина», по праву занимающий место рядом с «Войной и миром», звучит как беспощадный приговор дворянско-буржуазному миру. Трагическая катастрофа Анны, этой пленительной по своим внутренним и внешним качествам женщины, ложится позорнейшим клеймом на мир дворянско-буржуазной России, где живые чувства должны уступать место лжи, обману, лицемерию и где узлы «законного брака» оплошляют лучшее из человеческих чувств — любовь. Образ Каренина — этого государственного сановника, метящего чуть ли не в премьеры, — служит не только отрицанием бюрократического мира, но говорит и о значительно большем — о том, как люди, попадающие в бюрократическую машину, неизбежно поддаются моральному тлению и погибают без всяких остатков живых человеческих чувств.

Наконец, в последнем из своих больших художественных полотен — в романе «Воскресение» — Толстой обрушивается с сокрушающей силой негодования на все установления капиталистического общества: на государственные учреждения с их системой насилия над человеком, на измывающуюся церковь, наконец, на ту общественную мораль буржуазного общества, которая делает главной пружиной человеческого поведения принцип «человек человеку — волк».

История Катюши Масловой, по вине барина-аристократа Нехлюдова соскользящей на самое дно жизни, — это не толь-

ко обвинительный приговор золотой дворянской молодежи, — это еще в большей мере вызов, брошенный Толстым дворянско-буржуазному государству. Глубокая драма совести, переживаемая Нехлюдовым, завершается отходом героя романа от принципов его класса. Но в романе нет призыва к активной борьбе против всех и всяческих видов насилия. В этом вновь и вновь сказывается слабая сторона Толстого — философия «непротивления злу».

Однако сила критики в романе настолько остра и беспощадна, что Толстого, этого проповедника религии и жизни «в духе», синодальное правительство не нашло ничего более разумного, как отлучить от церкви, и тем самым еще резче показали всю гнилость и государственного аппарата и церкви.

Но Толстой не умолк и после «Воскресения». В последние годы жизни, как бы вступая в некоторое противоречие с самим собой, идеолог непротивленчества не удержался от того, чтобы выступить со всей силой возмущения и негодования против столыпинского террора. На весь мир раздалось в 1908 г. знаменитое толстовское «Не могу молчать», вызванное повешением 12 крестьян за нападение на дворянскую усадьбу. Но это, разумеется, не было отказом от той философии «непротивления злу», которой Толстой остался верен до конца дней своих.

Как бы ни была реакционная философия Толстого, гениальный художник-реалист он остался для нас одной из самых драгоценных жемчужин в венце русской литературы. Его творения живут и будут жить в веках, ибо в них заветаны человечеству великие принципы.

А. М. Горький со всей справедливостью сказал о нем:

«Нет человека более достойного имени гения... Какой удивительный человек живет на земле!.. Человек человечества».

В этой оценке голос Горького сливается с голосом великого Ленина, высоко оценившего бессмертный гений художника Толстого.

Проф. Б. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.

БЕССМЕРТНЫЙ ХУДОЖНИК СЛОВА

«...Какая глыба, а? Какой матерый человечек! Вот это, батенька, художник... И, — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было».

Так отзывался о Толстом в беседе с А. М. Горьким Ленин, глубже, вернее и проникновеннее, чем кто-либо другой, познавший и оценивший гениальное наследие автора «Войны и мира», «Анны Карениной» и других произведений, ставших достоянием всего культурного человечества. Поистине изумительно, что первым художником, показавшим в литературе настоящего, подлинного мужика, оказался писатель, по рождению и воспитанию связанный с аристократией, потомок графов Толстых и князей Волконских. Однако в этом изумительном факте нет ничего незаконного. Еще великие основоположники научного социализма в своем «Коммунистическом манифесте» отметили, что в эпоху глубоких социальных сдвигов лучшие люди из рядов господствующих классов, понимая неизбежный ход исторического процесса, порывают со своим классом.

«Со мной случилось то, — писал однажды Л. Н. Толстой, — что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл... Жизнь же всего трудящегося народа, всего человечества, творящего жизнь, представлялась мне в ее настоящем значении. И понял, что это — сама жизнь и что смысл, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принял его».

Само собой разумеется, что уход Толстого от людей своего круга совершился не вдруг, не сразу. Разочарование нарастало и углублялось в нем постепенно, сопровождавшееся все более и более усиливающейся тягой к людям труда. И только в результате длительного процесса критической переоценки всех принципов жизни

господствующего класса Толстой, наконец, порвал идеологические связи с ним и пришел к правде трудящихся, к правде народа, как он ее понимал.

Раскрывая причины разрыва Толстого со своим классом, Ленин в одной из статей, посвященных Толстому, писал:

«Острая ломка всех «старых устоев» деревенской России обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его мировоззрения».

Разумея под острой ломкой всех «старых устоев» деревенской России процесс внедрения в русскую жизнь капитализма и постепенной ликвидации феодально-крепостнических отношений, Ленин тем самым с нечеловеческой полнотой вскрыл объективные причины перехода Толстого с позиций дворянского класса на позиции крестьянства. Но Ленин не ограничился этим: констатируя переход Толстого на позиции крестьянства, Ленин в то же время подчеркнул, что Толстой в своем мировоззрении, в тех чаяниях и надеждах, которыми пронизано его творчество, отразил по преимуществу наиболее характерное для патриархальной части крестьянства.

Оказавшись после реформы 1861 года под двойным прессом и помещика и хищника-капиталиста, эта часть крестьянства, была полна ненависти к новому укладу жизни, но не находила реальных путей к выходу из создавшегося положения. То же по существу мы встречаем и в творчестве Толстого: «с одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, отчужденности и мучений рабочих масс; с другой стороны, — иродивая проповедь «непротивления злу» насильем. С одной сто-